

Содержание

От автора..... 9

ПРОЛОГ..... 11

ЧАСТЬ I ОБРЫВ

ГЛАВА 1. Сокол, готовый взлететь 21

ГЛАВА 2. Не учи отца своего... 31

ГЛАВА 3. Ничейная земля..... 40

ГЛАВА 4. Что это за писанина?..... 47

ГЛАВА 5. Значительные ценности 53

ГЛАВА 6. Договорились?..... 60

ГЛАВА 7. Выпьем за маму..... 67

ГЛАВА 8. Боевой крест с двумя мечами 75

ГЛАВА 9. Теплые руки врача..... 84

ГЛАВА 10. Кто мы?..... 90

ЧАСТЬ 2 ОКНО-РОЗЕТКА

ГЛАВА 11. Самое трудное — вернуться домой 111

ГЛАВА 12. Мы пережили кораблекрушение и семейный разлад 120

ГЛАВА 13. Опекунский совет	125
ГЛАВА 14. <i>La séduction</i>	134
ГЛАВА 15. Между нами, девочками	145
ГЛАВА 16. Нам нужен снайпер	152
ГЛАВА 17. Их надо уничтожить	159
ГЛАВА 18. Папа стоял у руля слишком долго	166
ГЛАВА 19. Я ужасно горжусь тобой	175
ГЛАВА 20. Кладбище брошенных надгробий	180
ГЛАВА 21. Это останется между друзьями	189
ГЛАВА 22. Ты же Фалк	197
ГЛАВА 23. Пассивная эвтаназия	203

ВЕРА Линн. Морское кладбище. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	221
---	-----

ЧАСТЬ 3 ОПАСНЫЕ СВЯЗИ

ГЛАВА 24. Финсе 1222	277
ГЛАВА 25. Мы возвысили себя в богов	282
ГЛАВА 26. Пони-клуб Фалков!	289
ГЛАВА 27. Никого нет в живых	297
ГЛАВА 28. Кто-то изъяс эти документы	307
ГЛАВА 29. Русский на связи	313
ГЛАВА 30. Ставь точку, псих ненормальный	321
ГЛАВА 31. Кровь и почва	328
ГЛАВА 32. Вы были правы	336
ГЛАВА 33. Боже, храни короля и отечество, брат	342
ГЛАВА 34. Эффект присутствия	348
ГЛАВА 35. Память — это все, что остается от человека после смерти	356

ВЕРА Линн. Морское кладбище. ЧАСТЬ ВТОРАЯ	373
---	-----

ЧАСТЬ 4

ШОССЕ КОРОЛЯ ОЛАВА

ГЛАВА 36. “Хибара”	405
ГЛАВА 37. Джонни никакой не предатель, чтоб ты знал	412
ГЛАВА 38. Единовременная сумма, не облагаемая налогом	421
ГЛАВА 39. Море — это загадка	434
ГЛАВА 40. Взрыв произошел в трюме	440
ГЛАВА 41. Каюта 31	446
ГЛАВА 42. Заплыви внутрь	454
ГЛАВА 43. Смертный медальон	462

ЧАСТЬ 5

УТОНУВШИЕ ДУШИ

ВЕРА ЛИНН. Морское кладбище. Эпилог	469
ГЛАВА 44. Свидетельская подпись	477
ЗАВЕЩАНИЕ	483
ГЛАВА 45. У нас чрезвычайная ситуация	485
ГЛАВА 46. Воздушное пространство Афганистана	488
ГЛАВА 47. Я сделал много плохого	493
ЭПИЛОГ. Хозяйская каюта	500
Благодарности	506

От автора

Перед вами роман. Места, события и персонажи вымышлены. За немногими важными исключениями, о которых подробнее говорится в “Благодарностях”. Все, что касается внешних обстоятельств гибели парохода “хуртигрутен”* “Принцесса Рагнхильд” 23 октября 1940 года, основано на документальных источниках.

Сюда относятся чертежи судна, попавшие мне в руки благодаря любезному помощнику из музея “Хуртигрутен” в Стокмаркнесе. Кроме того, описание базируется на показаниях свидетелей в Салтенском уездном суде, в частности на показаниях шкипера Кнута Иннергорда из Батнфьордсёры, до сих пор неизвестных общественности. Его рассказ мне предоставило Норвежское общество истории мореплавания в Нурмёре, и повествует он о случившемся совершенно по-новому.

Вместе со своей командой — штурманом Петтером Сёхолтом из Молде, машинистом Юханом Бревиком со Смёлы, помощником машиниста Хансом Ли из Кристиан-

* “Хуртигрутен” (прибрежный экспресс) обеспечивает ежедневные рейсовые морские перевозки пассажиров вдоль норвежского побережья от Бергена до Киркенеса. — *Здесь и далее прим. перев.*

сунна и стюардом Оскаром Мортенсенем — Иннергорд провел одну из крупнейших спасательных операций в Норвегии в ходе Второй мировой войны, не получив за это никакой награды.

Эта книга посвящается героическому экипажу грузового судна “Батн-фьорд”, который в тот день спас из ледяного моря более 140 норвежцев и немецких солдат, и всем тем, кого им спасти не удалось, тем, кто упокоился тогда на морском кладбище.

Пролог

“Дагенс нарингслив”, 4 августа 2006 г.

МЕДИК

Ханс Фалк спас тысячи человеческих жизней. Ценой того, что часто забывал дни рождения своих детей.

Автор — Джон О. Берг

ЛИВАН, СЕНТЯБРЬ 1982 г. Молодой врач быстрым шагом идет через погруженный во тьму лагерь беженцев Шатила в Бейруте. В одной руке у него вместительная санитарная сумка. На другой руке он несет закутанного в плед младенца.

Ханс Фалк чует смрад порохового нагара и нечистот, в следующие десятилетия он еще не раз столкнется с этой вонью, и всегда она будет напоминать ему этот вечер в Шатиле. Вечер, когда в лагерь ворвалась милиция, христиане-фалангисты. Под тем предлогом, что здесь прячутся палестинские боевики. Сейчас резня в разгаре, фалангисты не щадят никого. Отовсюду доносятся крики и стрельба.

В небо взлетает ракета, постройки заливают нереальный серебристо-серый свет. Ханс замирает. Среди куч мусора, армейских пайков и бутылок спиртного лежат мертвецы: моло-

дые мужчины с отрезанными гениталиями, беременные женщины с распоротыми животами, дети, грудные младенцы. Слева, метрах в двадцати, он краем глаза видит еще одну груду тел — крепко обнявшиеся мужчины, женщины, закрывающие собой детей, у всех на лбу маленькое входное отверстие. Люди расстреляны в упор.

Ракета сгорает, свет гаснет, словно повернули выключатель. У южного выхода из лагеря он различает очертания взорванных низких построек, за остатками стен караулит железное кольцо милиционеров.

Младенец заплакал, тихо и жалобно. Ханс прячется за мусорным баком, опускается на колени, пытается укачать новорожденного.

Кто-нибудь заметил его? Нет, он в укрытии.

Надо что-то делать, иначе ребенка отнимут. Он расстегивает молнию санитарной сумки. Выкидывает пластиковые бутылки с физраствором и спиртом, выкидывает складные носилки, они занимают слишком много места, выкидывает катетеры, стетоскопы и тонометры. Их острые края могут поранить малыша.

В боковом кармане лежит бутылка виски — “Джонни Уокер”, черная этикетка. Подарок палестинских руководителей, с которыми он встречался. Он знает, еще не узнав: никого из них теперь нет в живых.

Ханс откупоривает бутылку, смачивает кончик пальца. Дает младенцу вдохнуть запах виски, потом сует палец ему в ротик. Малыш сосет палец с непостижимой силой новорожденного. Тихонько хнычет — и затихает. На дне сумки Ханс осторожно устраивает из пледа и пеленок постельку, кладет туда младенца, прикрывает ушными компрессами и тонкими марлевыми салфетками. Снова застегивает молнию.

Ханс Фалк берет сумку и направляется к милиционерам. Уже в то время Ханс славился своим обаянием, по словам одного из коллег, он способен был “очаровать кого угодно,

от налоговых чиновников до политиков высшего уровня и женщин в никабах^{*}”. В этот страшный вечер 1982 года доктору Фалку предстоит главное испытание его жизни. В разгар бойни он должен вынести из лагеря новорожденного младенца.

ЛИВАН, ЛЕТО 2006 Г. Почти четверть века минуло после потрясшей весь мир кровавой резни в лагерях палестинских беженцев. Много воды утекло с тех пор. Но кое-что осталось по-прежнему: Ливан воюет; Ханс Фалк такой же загорелый, с гладкой кожей, легкой походкой и “по-мальчишески” чертовски обаятельный, как и в суровые семидесятые годы, когда этот сын бергенского судовладельца, в соответствии с духом “коммунистической пролетаризации”, одевался как работяга, кружил голову женщинам и твердил, что после революции непременно реквизирует отцовские верфи.

— Но суд о разделе имущества снял этот вопрос с повестки дня, — говорит Фалк, раскланиваясь со знаменитой палестинской актрисой на пути к стойке бара в “Мейфлауэре”, легендарном отеле, где Фалк обычно останавливается в Бейруте.

— Мы зовем его просто — Ханс Сакр. — Молодая палестинка заливается краской. — По-арабски Сакр значит Сокол, то же самое, что Фалк по-норвежски.

Ханс, естественно, заказывает два “Джонни Уокера” без льда и добавляет, что “надо потрафить вкусам ООП^{**}”.

— Давайте, — продолжает он, поднимая хрустальный стакан, — выпьем за живых, за погибших и за угнетенных.

Причислить к угнетенным самого Ханса ни у кого язык не повернется. Он родом из могущественного семейства Фалк, которое на протяжении всего двадцатого века играло

* Никаб — мусульманский женский головной убор, закрывающий лицо, с узкой прорезью для глаз; как правило, черный.

** ООП — Организация освобождения Палестины.

центральную роль в общественной жизни Норвегии, — как судовладельцы, благотворители и политики. Его дед, “Большой Тур” Фалк, известный пароходчик, погиб в войну при крушении “Принцессы Рагнхильд” и посмертно был награжден Боевым крестом с мечами как организатор Сопротивления на побережье.

С тех пор семейство Фалк разделилось на две ветви. Бергенцы, в том числе Ханс, живут в усадьбе на юге района Фана. Злые языки твердят, будто при разделе наследства с бергенской ветвью обошлись несправедливо. Можно ли в будущем ожидать тяжбы на этот счет между ословскими и бергенскими Фалками?

— О нет, такого никогда не случится, даю слово, — восклицает Ханс. — Я коммунист и потому принципиально против института наследования. Ничто так не обостряет неравенство, как наследство. — Вдобавок, — с улыбкой говорит он, — то, что мы всё потеряли, на самом деле наше *преимущество*. Нам повезло. Проблема богачей в том, что они идут по жизни в страхе, что когда-нибудь у них все отнимут. Человек свободен, только когда все потерял.

С другой ветвью семьи, с так называемой ословской фалангой империи Фалков, дело обстоит иначе. Дядя Ханса, Улав Фалк, в прошлом военный министр, возглавляет влиятельную промышленную группу САГА, со штаб-квартирой в Редерхёугене недалеко от столицы. Он закулисный заправил, чурющийся СМИ, и «стоит» якобы 10 миллиардов, а оценить в деньгах его влияние вообще невозможно.

Здесь что же, угадывается раскол, классический для норвежской истории, меж культурой грюндерского побережья и правящей ословской элитой?

— Нас, бергенцев, столица не слишком интересует, — смеется Ханс. — Скажем так: на континент или на Ближний Восток я никогда не лечу через Осло, разве только при крайней необходимости.

Патриот Бергена, идеалист-радикал, этакий “икорный левак”, который проповедует пролетарские идеи, а сам как сыр в масле катается. Ханса Фалка можно называть по-разному. И о чем бы ни шел разговор, у него почти всегда наготове меткий ответ и плутовская улыбка. Впрочем, как говорят те, кто хорошо его знает, Ханс похож на русскую матрешку: он многослоен, и каждый слой — новая его версия. Он знаком с половиной Ближнего Востока — от ведущих политиков до таксистов на Хамра-стрит, — но загадка для своих близких. Этот человек, чей заразительный смех разносится по всему холлу, видел больше страдания, чем любой норвежец его поколения, но внешне оно как будто бы его не затронуло. Врач, который далеко за пределами сугубо медицинских кругов известен тем, что спас тысячи беззащитных в самых горячих точках мира, не раз забывал дни рождения собственных детей. Феминист, который всегда в первых рядах демонстрации на 8 Марта, ничтоже сумняшеся обманул всех своих женщин. Но и на это у Ханса Фалка есть ответ: — Перефразирую Хемингуэя: мне нравятся коммунисты-врачи, но ненавистны коммунисты-пасторы. Я всего лишь человек и ошибаюсь, как все.

Неужели ничто не способно вывести его из себя?

Да нет, кое-что есть.

А именно вопрос, любил ли Ханс Фалк кого-нибудь, кроме угнетенных и собственного отражения в зеркале. Впервые он отводит взгляд и ерзает на стуле. Отвечает уклончиво, но, пожалуй, это и есть ответ.

ЛИВАН, СЕНТЯБРЬ 1982 г. От милиционеров за несколько метров несет алкоголем. Лучше уж это, чем запах смерти, думает Ханс. Взгляд у молодых парней мутный, лица до глаз закрыты носовыми платками, оружие направлено на него. За спиной Ханса громяхают автоматные очереди, раздаются крики... потом тишина.

— Мы проводим операцию против палестинских террористов, — говорит лейтенант. — Как иностранец вы имели возможность покинуть лагерь до начала операции. — Он закуривает сигарету. — Вы этой возможностью не воспользовались, а значит, сами принадлежите к вооруженным боевикам.

Несколько самых молодых милиционеров, которым, пожалуй, нет и двадцати, передергивают затвор, угрожающе делают шаг вперед.

— Я ассистировал во время родов, — говорит Ханс.

— Сегодняшний младенец — завтрашний террорист, — говорит лейтенант, словно выплевывая слова. — Где ребенок?

Ханс чувствует, что ладони вспотели, он вот-вот выронит сумку из рук. Писк младенца или обыск сумки — и всё, обоим конец.

— Не знаю, — отвечает он. — Последнее, что я видел, это штурм роддома.

— Из какой вы страны?

— Из Норвегии. Страна христианская... дружественная Израилю... тесные узы.

Лейтенант кривится, бросает соседу несколько слов. Потом кивает Хансу:

— Можете идти.

Ханс сдерживает облегченный вздох.

— Но сперва мы проверим вашу сумку.

Что же теперь делать? Ханс осторожно ставит сумку на землю. Осторожно расстегивает молнию. Боевики глядят ему через плечо. Лицо младенца спрятано, но Ханс замечает, что салфетка чуть-чуть шевелится, ребенок дышит.

Другие тоже это видят?

Он достает бутылку “Джонни Уокера”, протягивает лейтенанту.

— Вам выпивка нужна больше, чем мне, — говорит он.

Ливанец рассматривает этикетку. К счастью, сумка подозрений не вызывает. Офицер хватает бутылку.

— *Get lost*^{*}, — говорит он.

Руки у Ханса так трясутся, что ему не удастся задержать молнию, он невесом и бесчувствен, когда идет сквозь строй ливанских фалангистов к свободе, утешаясь тем, что если они начнут стрелять, то перебьют друг друга. Ханс Фалк возвращается в отель, тот самый, где он теперь, спустя четверть века, сидит на темно-коричневом честерфилдовском диване, а по его самоуверенному лицу скользит темная тень.

— Что произошло с ребенком?

— Я оставил его под опекой других людей. Обещал матери никогда не раскрывать, чей он, и нарушать обещание не стану. Но надеюсь, его жизнь сложилась лучше, чем ее.

* Вали отсюда (*англ.*).

ЧАСТЬ 1

ОБРЫВ

ГЛАВА 1

Сокол, ГОТОВЫЙ ВЗЛЕТЕТЬ

Бабушка издавна пророчила, что семейная усадьба сгинет прежде, чем она сама. Что она имела в виду — объявляла ли себя бессмертной или насылала на потомков проклятие, — никто толком не понимал. Недаром Вера Линн была писательницей, но из рассказанных ею историй ни одна не пугала Сашу так, как эта.

Вообще-то ее крестили Александрой Фалк, но, еще когда она была маленькая, бабушка настояла, чтобы ее звали Сашей или Сашенькой, в честь русского деда, которого никто даже на фотографиях не видел.

Мучаясь бессонницей, Саша встала рано, надела темно-синюю водолазку и твидовый блейзер. Когда ждут неприятные дела, надо одеться поостороже. Накануне она обнаружила, что один из стипендиатов архива, который она возглавляла, просматривал файлы с отчетом фонда за 1970 год. Тем самым он нарушил условия подписанного им обязательства хранить тайну, а вероломство она терпеть не намерена.

Стипендиатово вынюхиванье мало того что само по себе неприятно — в первую очередь это симптом. Она прямо-таки чуяла его, точно дуновение ветра на рубеже времен года: истории, которые долго утаивались, вот-вот выйдут наружу.

Что бабушка имела в виду, говоря, что правда и семейная лояльность друг с другом не в ладах?

Саша вышла из привратницкого флигеля, где жила с семьей. Он временно опустел: девочки на даче у друзей, Мадс в командировке, в Азии. На заре их семейной жизни он намекнул, что они, пожалуй, будут чувствовать себя стесненно в усадьбе, где расположен офис семейного предприятия и обитает целая куча родственников. Саша жутко разозлилась, как бывает, когда тебе выкладывают очевидную правду о любимом доме.

О переезде даже речи быть не могло.

Редерхёуген находится к западу от столицы: морем до нее ходу всего ничего. Сейчас Саша шла по кленовой аллее к развороту. За ночь пейзаж окрасился в блеклые морозные оттенки. Ледяной ветер ударил ей в лицо, пробрал насквозь через куртку. Она невольно поежилась.

Она жила здесь всю жизнь, и все равно подчас ее переполняла огромная любовь к этому месту. Здесь был ее мир. Усадьба и семья были одним целым, продолжением ее существования — пологие камни “бараньих лбов”^{*} на западной стороне, где она в детстве купалась, причалы и лодочные сараи на южном мысу, ровные лужайки, летом изумрудно-зеленые, а за ними густой, гудящий хвойный лес, который с востока, где стояла Верина “контора”, круто обрывался в море.

От выключенного фонтана на развороте она по засыпанной гравием дорожке направилась к трехэтажному белому кирпичному дому; украшенный портиками, эркерами, коваными ажурными балконами и круглой, похожей на крепостную башней с амбразурами поверху, он господствовал над всей усадьбой, возвышаясь на заросшем травой гребне.

По натуре Саша была консервативна. Перемены вызывали у нее страх и неприязнь. Однажды во время ссоры Мадс

* “Бараньи лбы” — скалы из коренных пород, сглаженные и отполированные движением ледника.